

ТЕОДОРЪ БИЛЛЬРОТЪ

и его значеніе въ хирургіи *

Печальное извѣстіе о смерти профессора Теодора Билльбота быстро разнеслось по всему свѣту и взволновало не только весь ученый міръ, но и публику. И не удивительно, такъ какъ проф. Билльротъ былъ самымъ популярнымъ врачомъ нашего времени. Не въ одной Германіи, но и во всѣхъ 5 частяхъ свѣта, гдѣ только существуетъ цивилизація, имя Теодора Билльбота было хорошо извѣстно и производило съ благоговѣніемъ. Въ исторіи медицины Билльротъ представляетъ рѣдкій, почти исключительный примѣръ такой необычайной популярности въ теченіи послѣдняго столѣтія. Съ нимъ можно сравнить, и то въ извѣстной мѣрѣ, развѣ только двухъ лицъ: Риккора во Франціи и Джона Гутнера въ Великобританіи, слава которыхъ гремѣла также на весь міръ; но оба названные врача были родоначальниками новой науки—первый сифилидологии, второй хирургіи—оба они представляли явленіе единичное въ своей странѣ: точно колоссъ, каждый изъ нихъ возвышался среди хаоса псевдо-научныхъ воззрѣній и теологическихъ ученій тогдашней медицины. Билльротъ жилъ и дѣйствовалъ въ странѣ самой просвѣщенной въ Европѣ, которая въ его время представляла необычный подъемъ умственной дѣятельности и по всей справедливости можетъ назваться отечествомъ медицины XIX столѣтія. Въ этой странѣ въ періодъ дѣятельности Билльбота и одновременно съ нимъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ хирурговъ, научныя силы которыхъ, умъ и талантъ приблизительно равны тѣмъ, которые обнаружилъ Билльротъ. Достаточно припомнить имена Гюттера, Отто Вебера, Люкке и особенно Бернарда Лангенбека, Фолькманна и Бергманна, чтобы понять, что Теодоръ Билльротъ, кромѣ общаго всѣмъ имъ таланта и научныхъ заслугъ, отличался отъ нихъ теперь еще не возможна, имѣлъ еще какія-то особыя качества, которыя доставили ему исключительное положеніе и въ наукѣ и въ общественномъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ: на чемъ же покоились такая не-

обычайная популярность Билльбота и его значеніе въ хирургіи, значеніе, которое признавалось всѣми еще за долгое время до его кончины?

Въ качествѣ одного изъ его многочисленныхъ учениковъ, во время моихъ двукратныхъ занятій въ его клиникѣ, я имѣлъ возможность лично прослѣдить его дѣятельность: я постараюсь подѣлиться съ вами тѣми наблюденіями, которыя помогли мнѣ понять секретъ успѣха этого необыкновеннаго человѣка.

Съ тѣхъ поръ, какъ хирургія перестала быть ремесломъ и въ основаніи ея положены были анатомическія знанія, она въ теченіи болѣе двухъ столѣтій покоилась исключительно на этомъ базисѣ, почти не примѣняя къ жизни и практикѣ другія отрасли естествознанія. Хирургъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія былъ болѣе анатомъ, чѣмъ хирургъ и степень его научнаго значенія и успѣхъ въ практической дѣятельности опредѣлялись количествомъ анатомическихъ знаній и быстротой оперативной техники. Преподаваніе хирургіи въ періодъ, предшествовавшій профессорской дѣятельности Билльбота, сводилось на анатомію и оперативную хирургію, клиникѣ отводилось мало мѣста и занятія въ ней имѣли чисто техническій характеръ практическихъ упражненій въ перевязкахъ больныхъ. О преподаваніи хирургіи, какъ науки систематизированной и основанной на точномъ знаніи основъ современной патологіи и физиологіи, въ періодъ врачебнаго образованія Билльбота не имѣли и понятія. Билльротъ первый понималъ, какое значеніе будетъ имѣть на успѣхъ хирургіи приложеніе этихъ знаній и, будучи еще молодымъ врачомъ, посвятилъ много лѣтъ на изученіе этихъ наукъ подъ руководствомъ знаменитаго въ то время гистолога и физиолога Келликера. Только послѣ такой подготовки онъ приступилъ къ преподаванію хирургіи и на первыхъ же порахъ своей дѣятельности возвѣстилъ съ кафедры о необходимости реформы въ изученіи хирургіи. Изданная имъ „*Патологія хирургическихъ болѣзней*“—плодъ многолѣтнихъ трудовъ, результатъ глубокаго пониманія потребностей современнаго хирурга, ознаменовала собою начало новаго направленія въ хи-

рургіи, открыла собою новую эру быстрого прогресса науки, которая передъ тѣмъ казалось дошла уже до возможнаго предѣла. Обыкновенно въ жизни мы наблюдаемъ такое явленіе, что всѣ апостолы и реформаторы новаго ученія, будучи всецѣло поглощены своею идеей, увлекаются ею настолько, что доходятъ до отрицанія всего того, что не соотвѣтствуетъ ихъ воззрѣніямъ. Билльротъ избѣгъ этой участи; его необыкновенно ясный умъ, его обширное общее образованіе и эрудиція поставили его выше увлеченія: въ своемъ знаменитомъ руководствѣ онъ съ рѣдкимъ талантомъ и объективностью сумѣлъ соединить старое съ новымъ, группируя факты по ихъ дѣйствительному достоинству и значенію и преподнесъ ихъ ученому міру въ такой изящной и увлекательной формѣ, что его хирургическая патологія сдѣлалась настольной книгой всякаго хирурга, катехизисомъ, на которомъ воспитано все современное поколѣніе врачей всего міра. Учебникъ Билльбота выдержалъ уже 14 изданій и, не смотря на быстрый прогрессъ науки медицинскій за послѣднія 30 лѣтъ, ни первоначальный видъ его изложенія, ни система почти не измѣнились, лишь приходилось добавлять въ него новые факты по мѣрѣ приобритенія ихъ наукою. Хирургическая патологія Билльбота явилась прямымъ продолженіемъ реформы въ медицинѣ, начатой Рудольфомъ Вирховымъ, и для хирургіи имѣла такое же значеніе, какое целлюлярная патологія имѣла на внутреннюю медицину. Такіе труды, какъ *Целлюлярная патологія* и *Трактатъ Билльбота* не отживаютъ свой вѣкъ въ какое нибудь десятилѣтіе и потому понятнымъ становится, почему до сего времени учебникъ Билльбота стоитъ внѣ конкуренціи и еще никто не написалъ лучшаго руководства, хотя уже прошло много лѣтъ.

Вторая отличительная черта Билльбота, какъ ученаго и изслѣдователя, состояла въ томъ, что онъ обладалъ рѣдкимъ свойствомъ: умѣніемъ разобратся въ массѣ всевозможнаго научнаго матеріала и умѣніемъ отличать важное для будущаго науки отъ ничтожнаго, изъ каковаго-бы источника они не происходили. Онъ первый по-

нялъ значеніе открытій Пастера и Листера, онъ не только воспринялъ ихъ въ своей душѣ, но первый попытался вылить ихъ въ опредѣленную клиническую науку о микроорганизмахъ раневыхъ осложненій. Предприняты имъ лично изслѣдованія надъ микроорганизмами гнилостныхъ заболѣваний ранъ съ точки зрѣнія дѣятельности микроорганизмовъ, изложенныя въ его классическомъ трудѣ, не потеряли и теперь своего значенія и это тѣмъ болѣе удивительно, что въ то время, когда писалъ Билльротъ, бактериологія, какъ науки, не существовало, не существовало и тѣхъ методовъ изслѣдованія, благодаря которымъ только и можно разобраться въ этомъ мірѣ безконечно малыхъ организмовъ. Правда, не всѣ приводимыя Билльротомъ данныя въ этой работѣ признаются въ настоящее время: его взгляды, на примѣръ, на полиморфность микроорганизмовъ септического процесса не согласуются съ позднѣйшими изслѣдованіями, но мы еще не увѣрены и въ томъ, что наши сегодняшніе взгляды не будутъ завтра опровергнуты, и потому не можемъ считать ошибку на сторонѣ Билльбота. Но это обстоятельство, даже если признать его и не въ пользу Билльбота, нисколько не уменьшаетъ цѣнности этого труда, такъ какъ основная мысль и выводы, поставленные Билльротомъ, остаются непоколебленными и съ каждой новой работой мы все болѣе и болѣе утверждаемся въ мысли, что онъ былъ правъ, говоря, что гнилостное зараженіе является продуктомъ дѣятельности не одного вида микроорганизмовъ, а цѣлой серіи бактерий и кокковъ.

Говорятъ, что Билльротъ былъ необычайно смѣлый и счастливый операторъ и владѣлъ замѣчательной техникой. Но развѣ современная Германія, Франція и Англія не имѣютъ хорошихъ техниковъ-хирурговъ и счастливыхъ операторовъ? Въ одной Германіи, въ ея 20 университетахъ можно насчитать по меньшей мѣрѣ сотню лицъ, съ выдающимися качествами этого рода, а между тѣмъ и среди этихъ дѣятелей онъ замѣтно выделялся. Какія же особенности въ этомъ отношеніи представлялъ Билльротъ?

Всѣмъ извѣстно, что высшая опе-

ративная техника принадлежит не нашему времени; она относилась къ тому періоду, когда производили операціи безъ хлороформа и потому отъ хирурга требовали необычайную быстроту и точность движенія рукъ, и тотъ изъ нихъ считался лучшимъ операторомъ, который производилъ операціи быстро. Слава оператора недавно прошедшаго времени, какъ говорили нѣкоторые, была обратно пропорціональна количеству минутъ, которыя онъ тратилъ на свои операціи. Подъ вліяніемъ такого требованія, всѣ стремленія хирурговъ были направлены на выработку техники и неудивительно, поэтому, что техника у нашихъ предшественниковъ была развита до степени, какою мы не владѣемъ. Со времени введенія въ практику хлороформа быстрота оперативной техники потеряла свое значеніе: операціи стали производиться медленнѣе, но за то они выиграли въ точности выполненія и детальности работы, а потому и исходы нашихъ современныхъ операцій стали несравненно лучшія. Билльротъ былъ хирургъ артистъ, художникъ и въ прежнемъ, и въ новомъ смыслѣ, онъ соединилъ въ себѣ качества, повидимому, не совмѣстимыя съ нашей точки зрѣнія: самыя сложныя операціи, какъ вырѣзываніе почки, гортани, рака желудка совершались имъ съ невѣроятной быстротой и при томъ такъ элегантно и точно во всѣхъ своихъ деталяхъ, что они могли считаться идеальными по выполненію. Но такая быстрота производства операціи у Билльбота достигалась не одною ловкостью его рукъ. Имѣя всегда большое количество ассистентовъ, обыкновенно около 12-ти человѣкъ, между которыми половина бывала вполне готовыхъ къ самостоятельной дѣятельности хирурговъ, которые только и были его непосредственными помощниками у операціоннаго стола, онъ такъ умѣло пользовался ихъ помощью, что ни одного лишняго движенія, ни одной потерянной напрасно минуты во время операціи у него не наблюдалось. Изъ этого уже можно усмотрѣть, что Билльротъ былъ прекраснымъ организаторомъ клинической дѣятельности. Если каждое учрежденіе можетъ идти правильно только при условіи точнаго ис-

полненія обязанностей между служащими и при правильномъ распредѣленіи занятій, то клиника и особенно хирургическая можетъ существовать только при условіяхъ строгой дисциплины, опирающейся на авторитетъ завѣдующаго и любовь къ наукѣ служащихъ. Въ этомъ отношеніи клиника Билльбота могла служить идеаломъ: всѣ его ассистенты и подчиненные буквально поклонялись ему и напрягали всѣ усилія, чтобы превзойти другъ друга въ усердіи, исполнительности и знаніяхъ. Такой конкурсъ научныхъ стремленій, происходившій непрерывно подъ руководствомъ лучшаго хирурга нашего времени, вырабатывалъ изъ его ассистентовъ въ сравнительно короткое время прекрасныхъ хирурговъ, которые съ честью заняли кафедры въ германскихъ университетахъ. Отличительною чертою дѣятельности клинической Билльбота было стремленіе выработать изъ своихъ ассистентовъ возможно большее количество хорошихъ хирурговъ и это удавалось тѣмъ легче, что его клиника всегда страдала избыткомъ матеріала, на который не хватало-бы времени, если бы дѣло шло обычнымъ порядкомъ; поэтому у него выработалась особая система оперированія, въ которой всѣ его многочисленные ассистенты принимали такое-же дѣятельное участіе, какъ и онъ самъ. Каждая лекція у профессора Билльбота состояла изъ цѣлой серіи оперативныхъ случаевъ, отъ 5 до 8, и въ теченіе каковаго-нибудь часа или 1½ успѣвали окончить всю эту массу работы. Обыкновенно начинали хлороформировать разномъ или въ слѣдъ одинъ за другимъ нѣсколько больныхъ, при чемъ у постели каждаго наркотизируемаго находились 2 ассистента и по мѣрѣ того, какъ больные засыпали, ихъ оперировалъ профессоръ, затѣмъ переходилъ къ другому больному, у другаго операціоннаго стола, гдѣ его уже ожидали ассистенты съ приготовленными новыми инструментами, мылъ и дезинфицировалъ руки и приступалъ къ другой операціи. Билльротъ производилъ обыкновенно только главную часть операціи; имѣя у каждаго стола, по крайней мѣрѣ, одного вполне опытнаго хирурга онъ могъ свободно поручать окончаніе операціи, какъ

остановку кровотеченія, туалетъ и послѣдующую обработку раны, имѣя и чрезъ это работа кипѣла. Слушатели Билльбота выносили съ каждой его лекціи массу научнаго впечатлѣнія, а его ассистенты, постепенно совершенствуясь въ искусствѣ и развивая технику, постепенно приближались къ идеалу хирурга—своему учителю.

Клиника Билльбота всегда славилась необыкновеннымъ разнообразіемъ и обиліемъ хирургическихъ случаевъ; достаточно было провести 2 семестра въ ней, чтобы пройти полный курсъ хирургическихъ болѣзней и познакомиться на практикѣ почти со всѣми заболѣваніями, какія только извѣстны въ медицинѣ. Неудивительно, поэтому, что за границей она славилась, какъ выставка хирургическаго матеріала, въ которую ѣхали для того, чтобы увидѣть заболѣванія, которыя рѣдко встрѣчаются въ другихъ клиникахъ. Неудивительно, также, что въ клиникѣ Билльбота всегда можно было встрѣтить представителей медицины всѣхъ возрастовъ и всѣхъ странъ міра, стекавшихся сюда, чтобы пополнить пробѣлы въ своихъ хирургическихъ познаніяхъ. Оригинальный видъ представляла всегда клиническая аудитория вѣнской хирургической клиники Билльбота: англичане, американцы, нѣмцы, итальянцы, русскіе, славяне, французы и даже японцы, въ перемежку съ студентами, громоздились въ амфитеатрѣ, сидѣли, стояли и тѣснились во всѣхъ пунктахъ, откуда только можно было видѣть, жадно вслушиваясь и ловя каждый жестъ Билльбота. Нужно было приходить заранее, чтобы достать себѣ мѣсто болѣе или менѣе удобное. Неудивительно, поэтому, что студенты были стѣснены, и мнѣ приходилось самому слышать ихъ жалобы на то, что благодаря слишкомъ большой популярности ихъ профессора они терпѣть неудобства.

Говорятъ, что Билльротъ оказалъ громадные услуги оперативной хирургіи. Если дать себѣ трудъ просмотрѣть современные учебники оперативной хирургіи, то окажется, что почти нѣтъ операціи, съ которой-бы не было связано имя Теодора Билльбота. Но и этимъ еще не все сказано: при ближайшемъ знакомствѣ съ его дѣятельностью въ этой области мы убѣждаемся, что

* Сообщеніе, сдѣланное въ засѣданіи Харьковскаго Общества научной медицины и гігіены.

главная масса его труда затрачена была на разработку оперативной техники в тех областях человеческого организма, к которым хирургия вовсе не дерзала прикасаться или где ее успехи были неудовлетворительны.

Я не стану перечислять заслуги Билльбота в области оперативной хирургии, я не буду указывать на его блестящие операции над желудком, селезенкой, щитовидной железой и многими другими органами, так как я не кончил бы сегодня моего обзора, скажу лишь кратко, но точно: от головы до пят человечество обязано Билльботу.

Обилие здравого смысла, тонкость анализа самых сложных явлений, умение отличать сущность вопроса и необычайная любовь к правде не позволяли ему увлекаться модными течениями и создали ему славу научного фильтра для научных вопросов: в каждом вновь возникающем в науке вопросе взоры всех обращались на Билльбота, к его мнению привыкли прислушиваться: что скажет Билльбот, и если он подавал свой голос, то участь того вопроса уже была предрешена. Всю память еще период увлечения операцией удаления зоба; увлечение это достигло таких размеров, что даже в Швейцарии, где эта болезнь встречается во множестве, не хватило зобов для всех хирургов, желавших оперировать. Билльбот один из первых стал предостерегать от такого опасного увлечения и вместе с Бернским профессором Кохером цѣлым рядом наблюдений открыл опасные последствия этой операции, которая была пропущена другими хирургами. Второй примѣръ такого трезвого отношения к научным фактам мы встречаем у Билльбота в вопросе о иодоформе и так называемом пиокетанине. Оба средства были предложены в практику его Вѣнским сотоварищем, проф. Мозетигомъ. В числе первых хирургов, испытывавших иодоформ, был Билльбот, и его заявление, что иодоформу в хирургической практикѣ предстоит будущность, как все знают теперь, оправдалось самым блестящим образом. В вопросе о роли пиокетанина при лечении раков в

самый период ликования многих германских хирургов, провозгласивших об открытии действительного средства против рака, первый и единственный Билльбот не скрыл правды и в том же заседании Вѣнскаго Медицинскаго Общества, где Мошетигъ дѣлалъ доклад о новых наблюдениях в пользу своего открытия, скромно заявил, что его опыты не давали ему положительных результатов. В скором времени мнение Билльбота оказалось правильным и на этот раз. Но самое блестящее доказательство своей научной чистоты и неподкупной правдивости представил Билльбот в достопамятную эпоху Коховскаго туберкулина, когда он, первый из хирурговъ Германіи, не боясь прослыть не патристичнымъ, заявил в самый разгар энтузиазма всей Германіи, когда воздвигали монументъ нѣмецкому гению, что туберкулинъ не убиваетъ причины бугорчатки, а следовательно и не можетъ ее излѣчивать. Такой человекъ нашелся, впрочемъ, и на родинѣ туберкулина — это былъ Рудольфъ Вихровъ, и благодаря этимъ двумъ лицамъ Германія удержала за собой то научное знамя, которое она уже давно несетъ впереди всехъ народовъ.

Но самая главная заслуга Билльбота в хирургіи состоитъ в образовании школы хирурговъ с особымъ направлением, той самой школы, благодаря которой прогрессъ хирургіи послѣдняго 20-лѣтія поразителенъ. В обширномъ смыслѣ слова: большая часть современныхъ хирурговъ всего міра могутъ считаться учениками Билльбота, такъ какъ они занимались или посѣщали его клинику, но кромѣ этихъ многих, которыхъ онъ большую половину и не помнилъ, Билльботъ имѣлъ настоящую школу, образовавшуюся изъ его слушателей и ординаторовъ, и эта школа и создала ему его необычайную популярность. Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что каждая клиника есть школа и всякій профессоръ можетъ образовывать соотвѣтственную практическую медицинскую науку. Доказательства у насъ предъ глазами даже в той самой Германіи: нигдѣ нѣтъ такого количества первоклассныхъ хирурговъ, какъ в этой странѣ, а между тѣмъ, на всѣ 20

университетовъ, мы можемъ насчитать не болѣе 5—7 хирургическихъ школъ. Причина этого факта заключается в томъ, что для созданія настоящей школы съ извѣстнымъ реальнымъ направлениемъ не достаточно быть хорошимъ ученымъ и блестящимъ техникомъ, нужно еще что-то такое, что *дается не многимъ избраннымъ*. „Идея, говоритъ Брандесъ, никогда не рождается в толпѣ, она возникаетъ всегда в умѣ одного человека и, если этотъ человекъ выдается изъ толпы, если онъ сумѣетъ силою слова и убѣжденія повліять на окружающихъ, если онъ можетъ увлечь ихъ, то они сближаются съ нимъ, между ними возникаетъ духовное родство, и тогда образуется школа, во главѣ которой становится родоначальникъ идеи“.

Если мы прослѣдимъ ученую, педагогическую, общественную и практическую дѣятельность Теодора Билльбота, то легко откроемъ его идею: *это идея научной правды и чистоты научныхъ изслѣдованій, реального направления хирургической дѣятельности и постоянное стремленіе къ единой цѣли — пользе для человечества*. Во имя этой идеи онъ первый призвалъ на помощь хирургіи естественныя науки: физиологію и патологию; во имя ее онъ не останавливался предъ трудностями техническими в операцияхъ и, преодолевая ихъ силою своего гения, осуществлялъ научныя проблемы и, наконецъ, во имя той же идеи онъ старался создать возможно большее количество хирурговъ-практиковъ, способныхъ вознаградить ту тяжелую утрату, которую понесло теперь человечество.

Билльботъ имѣлъ необычайное вліяніе на своихъ учениковъ. Всю уже давно извѣстно, что в теченіи клинической дѣятельности наблюдается какая-то особенная наклонность къ переходу манеръ и внѣшнихъ качествъ отъ учителя къ ученикамъ, и эта передача в клиникѣ Билльбота была особенно замѣтна; каждый изъ его ассистентовъ, если въ него всмотрѣться повнимательнѣе, оказывался ничто иной, какъ „маленькій Билльботъ“. Это явление, какъ ни смѣшно оно казалось на первый взглядъ, на самомъ дѣлѣ имѣло свою хорошую сторону: человечество устроено такъ, что между его внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ всег-

да существуетъ извѣстная связь, и трудно допустить, чтобы человекъ могъ усваивать только одни внѣшнія стороны, не воспринимая отъ него и духовной стороны. Но не на однихъ ассистентовъ Билльботъ оказывалъ такое духовное вліяніе. Вся его аудитория жила съ нимъ одною жизнью в теченіи всего периода семестральныхъ занятій; уходилъ отъ него врачъ и уносилъ съ собою на свою родину идеалъ хирурга: его образъ, который отъ времени до времени возникалъ въ душѣ в критическую минуту врача, в трудные моменты его хирургической дѣятельности.

Я никогда не забуду одного тяжелого момента в моей оперативной практикѣ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ школы профессора Билльбота, в 1887 году я производилъ одну изъ немногихъ в то время в Европѣ и, кажется, первую в Россіи, громадную и опаснѣйшую операцию вырѣзыванія всей селезенки у больной, в моей хирургической лѣчебницѣ. Половина операции уже была окончена и я предвидѣлъ уже счастливый исходъ этого отчаяннаго случая. Огромная селезенка находилась уже на рукахъ одного изъ моихъ молодыхъ помощниковъ, я же былъ занятъ перевязкой ее сосудовъ и приготавливался къ окончательному отдѣленію ее. Но вотъ, в тотъ моментъ, когда я только приготавливался завязывать наложенныя лигатуры, подъ вліяніемъ утомленія или неловкаго движенія, мой помощникъ, державшій на вѣсу огромный органъ, упустилъ его изъ рукъ и онъ, паденіи, собственной тяжестью, оборвалъ сосуды у самаго мѣста вхожденія ихъ в вещество селезенки, и сосуды, соскочивъ съ незатянутой шелковой петли, ушли в брюшную полость. Моментъ былъ ужасный: горя крови на мѣстѣ операции и звѣщій шумъ, сопровождавшій ее изліяніе, изъ неизвѣстно куда ушедшихъ сосудовъ, грозилъ неминуемой гибелью больной чрезъ нѣсколько секундъ. Всѣ растерялись. В этотъ моментъ в моемъ умѣ возникло совершенно невольное воспоминаніе о Билльботѣ и его поступкѣ, в такой же точно критическій моментъ, и при такихъ же обстоятельствахъ, во время производимой имъ при мнѣ операции вырѣзыванія почки. Автоматически я повто-

рилъ приемъ Билльбота, и больная была спасена.

Столь широкая дѣятельность, постоянное пребываніе в сферѣ крови и страданія приучаютъ неизбѣжно къ равнодушію, очерствляютъ сердце хирурга...

У Билльбота и в этомъ отношеніи была хорошая особенность: до самаго послѣдняго времени, а я видѣлъ его послѣдній разъ в 1890 году, онъ отличался необычайной гуманностью и, будучи всегда обремененъ работою сверхъ времени, не дѣлалъ ни одной серьезной или болѣзненной операции безъ хлороформа или другаго способа анестезіи.

Его любовь къ знанію и интересъ науки всегда стояли выше всякихъ расчетовъ и матеріальныхъ выгодъ. Мнѣ передавали случай, который прекрасно иллюстрируетъ его отношеніе къ наукѣ и то уваженіе, которое онъ питалъ къ ней, в какой бы смиренной формѣ она ни представлялась. Однажды, в периодъ полного разгара славы и практической дѣятельности Билльбота, онъ узналъ отъ своихъ ассистентовъ, что у него в клиникѣ находится молодой русскій врачъ, только недавно прибывшій отъ знаменитаго Реклингаузена и привезшій съ собою препараты, добытые имъ при его изслѣдованіяхъ надъ вопросомъ о происхожденіи костной мозоли. Вопросъ этотъ былъ спорный и Билльботъ принималъ в немъ личное живое участіе. Узнавъ отъ молодого изслѣдователя, что препараты у него на квартирѣ, онъ отказался отъ предложенія, чтобы они были привезены в его клинику, тотъ часъ оставилъ свои занятія и отправился на квартиру къ никому неизвѣстному молодому человеку, пересмотрѣлъ препараты, и затѣмъ послалъ за своимъ другомъ, знаменитымъ профессоромъ Брюке, который немедленно прибылъ, и всѣ они втроемъ провели болѣе 4 часовъ в квартирѣ молодого врача в изученіи микроскопическихъ препаратовъ и в научномъ диспутѣ. Затѣмъ, Билльботъ на другой день испросилъ разрѣшеніе у молодого врача демонстрировать его препараты и изложить в его присутствіи результаты его изслѣдованій его слушателямъ.

Наконецъ, в Билльботѣ была еще

одна черта, которая в современныхъ дѣятеляхъ мало цѣнится: не переставая быть великимъ ученымъ и хирургомъ практикомъ, онъ не переставалъ быть обычнымъ человекомъ, не прерывалъ связи съ обществомъ и не чуждался его житейскихъ интересовъ. Онъ постоянно бывалъ въ обществѣ, принималъ дѣятельное участіе в многихъ общественныхъ учрежденіяхъ, засѣдалъ в парламентѣ и, всюду оставаясь хирургомъ Билльботомъ, несъ обязанности и государственнаго дѣятеля. Его знаменитая рѣчь, сказанная в парламентѣ по поводу современнаго милитаризма, имѣла в виду исключительно цѣли гуманныя и максимумъ пользы, которую можетъ принести человечеству медицина, в периодъ общественнаго бѣдствія, каковымъ является война.

Билльботъ требовалъ отъ врача и хирурга общаго образованія и чѣмъ оно многостороннее, тѣмъ большей пользы для науки можно ожидать отъ такого дѣятеля, говоритъ онъ в своихъ знаменитыхъ афоризмахъ. Говорятъ, что когда, однажды, профессоръ Билльботъ в публичной рѣчи высказался, что по его глубокому убѣжденію посвящать себя медицинѣ должны только молодые люди съ хорошимъ общимъ образованіемъ и изъ достаточной семьи, то профессоръ Альбертъ, его коллега и сосѣдъ по клиникѣ, не менѣе извѣстный хирургъ, в своей рѣчи, которая была отвѣтомъ на слова проф. Билльбота, сказалъ, что онъ совершенно не согласенъ съ его мнѣніемъ, и свое положеніе подтвердилъ ссылкой на себя: „я сынъ кузнеца, сказалъ онъ, и, какъ видите, могу служить доказательствомъ, что изъ кузнецовъ могутъ выходить хирурги и профессора“. Объ этомъ, конечно, сообщили Билльботу, который отвѣтилъ: „это правда, пожалуй, но подумайте, сколько сотенъ кузнецовъ нужно испортить и оторвать отъ ихъ дѣла, чтобы изъ нихъ выработался одинъ профессоръ Альбертъ“.

Исключительное занятіе медициной практической и особенно хирургіей дѣлаетъ врача одностороннимъ, лишаетъ его широкаго кругозора и способности обобщенія, превращаетъ его в ремесленника, неспособнаго подняться надъ уровнемъ современной науки; такіе люди полезны для дѣла и

науки, какъ чернорабочая сила, „но не ими наука движется впередъ“. Поэтому Билльботъ совѣтовалъ, чтобы врачъ, и хирургъ особенно, наряду съ техникой и знаніемъ, воспитывалъ въ себѣ и эстетическое чувство: ничто такъ не примиряетъ человека съ его тяжелой профессіей, какъ изящныя искусства и музыка, ничто такъ не сохраняетъ врача отъ опасности быть поглощеннымъ своею специальностью до степени превращенія в медицинскую машину, какъ „периодическія отлученія в оброть поэзіи“. Билльботъ всю свою жизнь былъ вѣренъ этому тезису и блестящимъ образомъ доказалъ, что эти занятія не только вполне совмѣстимы, но и помогаютъ другъ другу. Билльботъ любилъ музыку и со страстью предавался ей; его музыкальныя способности и искусство были почти столь же извѣстны, какъ и хирургическія, и многие изъ его паціентовъ и посѣщавшихъ его домашнія приемы больныхъ, вѣроятно, помнятъ, какъ среди приемовъ наступали иногда перерывы на нѣкоторое время и слухъ паціентовъ поражался стройными аккордами какого-нибудь вальса или сонатки, раздававшимися изъ сосѣдней съ кабинетомъ Билльбота комнаты и, затѣмъ, съ замираніемъ послѣдняго звука прерванный приемъ снова продолжался.

„Wahrheit, und Klarheit“ были мой девизъ, сказалъ Билльботъ в отвѣтъ на множество восхваленій, принесенныхъ ему в день его юбилейнаго праздника, и „я ничего не дѣлалъ, какъ только былъ всю жизнь вѣренъ этому тезису“. И онъ былъ совершенно правъ, какъ и всегда. Человекъ съ такимъ огромнымъ талантомъ, воодушевленный идеей правды и имѣющій ясную и опредѣленную цѣль впереди, можетъ сослужить великую службу человечеству.

Миръ праху твоему, великій ученый и учитель. Земля тебя будетъ помнить, ибо ты посѣлалъ в нее много добраго сѣмени.

Профессоръ А. Подрезъ.